

Романтическая повесть
о великом клоуне
Енгибарове

Мария Романушко

Не расстаюсь с тобой

Мария Романушко
Не прощаюсь с тобой

«Издательские решения»

Романушко М.

Не прощаюсь с тобой / М. Романушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513085-3

Книга о великом клоуне и миме. О вкусе и смысле циркового искусства. О первой любви, не привязанной к земному. О творчестве, о подлинной жизни, которая противостоит даже смерти... В книге с предельной достоверностью воссоздан мир старого цирка на Цветном бульваре конца 60-х годов прошлого века и удивительный мир старой Москвы, которой уже почти не осталось на земле... Страницы книги буквально пропитаны запахами московских бульваров и цирковых кулис...

ISBN 978-5-00-513085-3

© Романушко М.
© Издательские решения

Содержание

Памяти Леонида Енгибарова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Не прощаюсь с тобой

Мария Романушко

© Мария Романушко, 2020

ISBN 978-5-0051-3085-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памяти Леонида Енгибарова

Не умрёт клоун.

Грустный чудак или весёлый забияка, ироничный глупец или философ в глупейших ситуациях, в маске или без неё, с детства до глубокой старости он будет с нами, насмешливый мудрец с глазами печального ребёнка.

Л. Енгибаров

В какой бы город я ни приехала, ноги сами приводят меня к цирку. Выхожу из поезда и, не подходя к справочному, никого не спрашивая, иду к цирку. Как будто ты ведёшь меня за руку...

...А вот уже месяц, как я хожу к тебе на свидания – в это угрюмое здание с таким скучным, пыльным названием – «архив». Ты – и архив... Какое нелепое сочетание!

В первую минуту, когда пришла сюда, директор оглушил категоричным отказом:

– Фонд Леонида Енгибарова не обработан. Необработанные материалы в читальный зал не выдаются. Приходите лет через пять.

И он углубился в свои архивные дела, мгновенно забыв обо мне. Глядя на его бледно-серое, точно пропылённое, лицо, на тусклые глаза за толстыми стёклами очков (вот уж, действительно, архивная мышь!), я поняла, что просить, умолять – бесполезно.

Молча вышла из кабинета. Внутренне отчаянно протестуя – и с трудом смиряясь. Так, значит, ещё пять лет!..

Опустилась в старое продавленное кресло в полутёмном коридоре. Хотя бы ещё несколько минут побуду здесь – недалеко от тебя...

Я мысленно жаловалась тебе и просила у тебя помощи.

И даже не заметила, как подошёл директор.

– А, вот вы где! – сказал он. – Ещё не ушли?

Я ошарашено смотрела на него, не веря своим глазам. Он что, искал меня?! Меня, случайную посетительницу, которую только что выставил?

– Ну, что приуныли? – спросил он. И сам, по-моему, удивился своему вопросу, не меньше, чем я.

– Как тут не приуныть? Десять лет я уже прождала...

Он внимательно посмотрел на меня своими близорукими глазами. Как будто силился понять...

– Будут вам выдавать материалы! – неожиданно сказал он. Мне показалось: неожиданно даже для самого себя. И, словно бы оправдываясь за свой прежний отказ, пояснил:

– В порядке исключения. Я договорюсь с отделом хранения. Надеюсь, они пойдут вам навстречу.

И – мягко улыбнулся, на мгновение забыв, что он – чиновник. И добавил совсем уж по-дружески:

– А сейчас зайдите к секретарю, она вам выпишет пропуск.

* * *

...Март. Снег и солнце. Маленький читальный зал архива. Солнце раздвигает его стены, клубится пыльными золотыми столбами... На подоконнике неслышно пробуждаются от зимней спячки кактусы. Окна выходят в сквер, тёмные деревья и грузные сугробы – всё залито, напоено солнцем...

И вдруг – налетела туча, погасли золотые столбы, читальный зал опять стал маленьким, и за окнами пошёл снег – крупный, роскошный, какой бывает только в марте... Из всех священнодейств природы больше всего люблю мартовский снег.

Ты смотришь на меня с небольшой любительской фотографии. Тебе на ней тридцать два. Столько тебе было в ту памятную осень...

Две огромные папки с твоими новеллами, рассказами, сценариями клоунад и пантомим. Записные книжки, распухшие от адресов и телефонов... Гастрольный дневник. Старые афиши. И фотографии, фотографии, фотографии...

Я прикоснулась ко всему этому не любопытства ради. Просто я не могла не прийти к тебе. И вот, пришла...

Ты улыбаешься мне так приветливо... Теперь мы с тобой ровесники, и ты уже не смотришь на меня с высоты своего возраста. Возраст – это единственное, что всегда стояло между нами.

Теперь между нами только этот снег, он засыпал все пути и дороги, маленький сквер, архив, кактусы на подоконнике, моё сердце... Каждый год, в марте, он приходит ко мне из твоей страны – из тех дальних пределов, имя которым – Тайна и Тишина...

В пыльных архивных папках – твоя живая душа. Продолжение твоей жизни. Которая не завершилась, не могла, не должна была завершиться в тридцать семь.

...В одной из папок нахожу свой рассказ. Тонкая школьная тетрадь в синей обложке – сохранил!.. Романтически-восторженный рассказ о *той* осени – когда мы встретились с тобой на набережной южного города...

* * *

Неподвижные сосны и кипарисы, белые беседки были впаяны в синеву неба и моря. Разносились охрипшие голоса почерневших на солнце лоточников: «Свеж-ж-жее пирож-ж-женное!.. Свеж-ж-жее пирож-ж-женное!..»

Бархатный сезон. Беспечная оживлённая толпа. Белые шорты, шоколадные ноги, соломенные шляпки. Ни одного омрачённого заботой лица. На каждом из них как будто написано: «Хочешь быть счастливым – будь им!»

Я шла по набережной, такая же беспечная, как все. Это совсем не трудно, когда тебе – семнадцать, и мама привезла тебя к морю продышаться, и ещё нет неразрешимых проблем, мир, как спелое яблоко, прекрасен, и не было ещё в твоей жизни смерти, и даже любви ещё нет, – а только одна поэзия, одни стихи на уме. Ритмы и мелодии – внутри и вокруг: их нашептывает шуршащее голубой галькой море, их напевают гудки попыхивающих у причалов теплоходов, голоса чёрных лоточников и твоё собственное сердце...

Шла, точно плыла сквозь густой влажный зной, настоящий на острых и нежных запахах: выброшенных на берег водорослей, цветущих магнолий и покуривающих аппетитными дымками кофеен...

И вдруг – точно споткнулась.

Не увидеть его было просто невозможно. Так резко выделялся он на фоне пёстрой толпы. Весь в тёмном: чёрные брюки и тёмно-зелёная, цвета магнолиевых листьев, рубашка. Длинные рукава по-будничному завёрнуты до локтей.

Человек стоял ко мне спиной, у кондитерского киоска, устало облокотившись одним локтем о высокий круглый столик, засыпанный сосновыми иглами... И жевал какую-то коврижку. Он был невысокого роста и по-мальчишески угловат. Его длинные, до плеч, тёмные волосы ласково ворошил ветер...

Он торопливо допивал свой кофе – как в вокзальном буфете, словно боялся опоздать к поезду.

Я же, как примагниченная, стояла в нескольких шагах от него. Весёлая толпа, море, кипарисы – всё куда-то пропало...

Остался только этот человек. С его усталостью, его одиночеством, сквозившей во всей его фигуре, с его отделённостью от всего мира.

Странная, необъяснимая связь возникла вдруг между нами. Казалось: он пойдёт сейчас – и я пойду за ним, как нитка за иголкой...

Сколько я так простояла, глядя на него, мгновение – или вечность? Не знаю...

Вдруг он нервно передёрнул плечами и – резко оглянулся.

В упор – вопросительно и раздражённо – глянули на меня чёрные, подведённые тенью усталости глаза. Бледное, не тронутое загаром лицо, тёмная чёлка до бровей...

Его трудно было не узнать: весь город оклеен его афишами... Леонид Енгибаров! Знаменитый Леонид Енгибаров – король манежа! – стоял в двух шагах...

Он слегка усмехнулся, устало и словно досадуя на восторженное изумление, с каким я взирала на него. Повернулся и торопливо зашагал к цирку. Он уходил в толпу, не сливаясь с нею, я стояла и смотрела ему вслед...

* * *

А через несколько дней я ликовала, достав билет на вечернее представление...

В старом цирке на берегу моря царил тот же запах, что во всех цирках на свете. И представление было то же, что всегда и везде: львы и собачки, гимнасты и наездники, жонглёры и фокусники. Старая, как мир, программа, неизменно, из века в век, вызывающая у публики искренний детский восторг...

Каждый артист щедро одаривался цветами и аплодисментами, каждого по многу раз вызывали из-за кулис...

И всё же представление это было совершенно необычным. Потому что между номерами на манеже появлялся Енгибаров.

Я видела его раньше только в кино. Фильм «Путь на арену» с его участием с бешеным успехом пронёсся по экранам страны. И была там одна мелодия... Она до сих пор звучит порой по радио. А то идёшь по улице, и вдруг услышишь: кто-то насвистывает её – «Мне и верится, и не верится – то, что ты с меня не сводишь глаз...»

Но в цирке я видела Енгибарова впервые. Да и многие из сидящих в этом зале, наверное, тоже.

Он выходил на манеж – и цирк стихал...

Нет, это не была тишина восхищения. Это была тишина удивления и даже разочарования... Где же хохмач, который будет сегодня смешить нас до упаду? Где красный нос картошкой, и растрёпанные патлы, и широченные штанины, в которых можно спрятать ещё одного хохмача?..

Енгибаров не был похож на клоуна. *Вызывающе не был похож на клоуна!*

Простенький костюм, в котором можно пройтись по набережной, и никто не оглянется: жёлтая, в чёрно-красную полоску, футболка и чёрные узкие брюки на одной лялочке. Да тёмно-синяя косынка в белый горошек на шее. Да башмаки, великоватые, с задранными носами.

Вот только эта лялочка да башмаки смотрелись чудаковато.

В некоторых клоунадах в костюм вносились дополнения. Чёрный пиджак. Чёрная шляпа. Чёрный дырявый зонт.

Работал Енгибаров без грима. Его бледное, оттенённое чёрными волосами лицо, будто нарисованное тушью, было настолько выразительно, что не нуждалось в гриме.

И странным образом уживались на этом лице грустные глаза и детская, озорная улыбка...

На алом ковре манежа – строгая, графически завершённая фигура Енгибарова звучала романтическим диссонансом!

Да, да, именно *звучала!* Каждый его шаг, каждый жест сильных и выразительных рук, каждое движение – звучало законченной музыкальной фразой, было полно значения и смысла... Слова были излишни, – и потому он не произносил на манеже ни слова.

За весь спектакль – ни слова.

Но молчание его было красноречивее всяких слов...

Вот он выбегает со скрипкой в руках. Видимая канва номера проста, незамысловата: клоун хочет сыграть на скрипке. Но где же смычок? Быть может, в кармане? Или под башмаком?.. Идёт уморительная возня с нотным листом, скрипкой и смычком – и лист, и скрипка, и смычок словно бы в весёлом заговоре против клоуна: ему никак не удаётся приладить всё к месту...

Ну, наконец-то! Всё на своих местах и можно бы начать. Чего же клоун теперь медлит? На его лице смущение и растерянность... Да он, кажется, просто не умеет играть! Неловким движением касается он струн, и... скрипка взрывается в его руках! Разваливается на жалкие обломки...

Ну, вот... Доигрался! А сыграть-то так и не удалось...

Прижав сломанную скрипку к груди, клоун уходит с манежа. И тихая, шемяще-грустная мелодия звучит как заключительный аккорд этой далеко не смешной клоунады...

Каждый из сидящих в зале чувствовал себя как бы застигнутым врасплох. Зал, казалось, недоумённо вопрошал: «А где же обещанный весельчак клоун?» Енгибаров выпадал из циркового праздника. Как попало в круговерть карнавала это лицо без маски? Оно тревожило, брало за душу...

А ведь это не просто скрипка! – подумалось мне. Это – Несбывшееся! Оно позвало человека – и он рванулся к нему. Он скрывает свою неуверенность за комическими пассажами: пусть думают, что он не всерьёз, пусть! А сам мысленно просит Скрипку, закликает её, чтобы отозвалась, заговорила... А вдруг и на самом деле отзовется? Вдруг случится такое чудо?

Но чуда не случилось. Скрипка не запела...

Смеха в зале не было. Не было и аплодисментов.

Клоун Леонид Енгибаров так весь вечер и работал – в недоумённой тишине зала. В это трудно поверить сегодня: что когда-то публика не принимала его. Но так было: она его не принимала! Курортная, жаждущая лёгких, волнующих развлечений публика. Интеллектуальный клоун – это было выше её запросов. Она его не заказывала! Он чего-то хотел от неё, от неё – разморённой солнцем, безделием, виноградом «дамские пальчики», жирными чебуреками и каплюющим между пальцами мороженым...

Кажется, он хотел, чтоб они *думали*. Но это уж слишком! Не за этим же они ехали к морю в бархатный сезон!

Реденькие, жидкие хлопки провожали клоуна за кулисы...

Я отбила себе ладони, стараясь заглушить тишину зала. Тишину непонимания. На меня удивлённо оглядывались.

Выходит, он выступает для меня одной?.. От этой дерзкой мысли я даже похолодела. Сидела в раскалённом, душном амфитеатре и дрожала мелкой дрожью...

На коленях у меня лежали герберы – букет разноцветных ромашек, цветиков-семицветиков... Продавщица сказала: «Их дарят на счастье».

Уже пошло второе отделение, а я ещё не набралась решимости.

... Каждая реприза Енгибарова была небольшим музыкальным произведением. Он играл собой, на себе... Каждым своим движением, каждым жестом и взглядом он *излучал* музыку.

И во мне всё звучало в ответ на неё, и сами складывались строки: «Я шла чуть поодаль, сзади... Я шла, не дыша, как в вечность... За музыкой Вашего взгляда и тихим звучанием плеч. Я слышала: Вы звучали! Улыбкой своей, походкой... Казалось мне: даже молчанием...»

А ведь на самом деле всё было *по-настоящему* смешно!

Клоун чувствовал душу вещей и умел приоткрыть её. Каждый предмет в его руках делался говорящим, многоликим – будь то метла, шляпа, микрофон, скрипка или три зонтика... Нет, это был не просто реквизит клоуна. Вещи стали его чуткими, отзывчивыми партнёрами. На них-то он и переложил свою, неизбежную для комика, функцию – веселить...

И они это делали превосходно! Микрофон превращался в надутую выскочку, уверенного, что человек без него не может произнести ни слова, – и был смешон в своём наивном зазнайстве.

Башмаки клоуна были каждый со своим характером. Когда он делал стойку на руках, то правый башмак, исполнительный и аккуратный, всегда держался навтыжку, в то время когда левый, презирающий и попирающий всякую дисциплину, вёл себя в высшей степени вызывающе: болтался меланхолично, уставив нос в землю... И правый башмак каждый раз подправлял и подтягивал своего расхлябанного брата.

Метла в руках Енгибарова превращалась то в винтовку, то в хоккейную клюшку, то в обезумевшую гитару, оглохшую от собственного рёва... И в этом, последнем образе, она приобретала остро-сатирическое звучание, направленное против породителей лже-музыки, против апостолов безвкусицы и какофонии.

А три зонтика... Три маленьких друга, безмолвные, но всё понимающие, они летали в его руках как будто сами, без его помощи, они веселили и поддерживали, как умеют поддержать только самые верные товарищи...

Тогда, осенью у моря, мне показалось, что ближе, чем они, никого у него нет... Только они – три маленьких друга, которые не предадут, не солгут, не отвернутся.

И когда уже не было сил выносить тишину зала, я переступила барьер манежа...

И побежала к нему со своими цветиками-семицветиками – «на счастье»...

Я ещё не знала тогда старинной приметы, которую знают все в цирке: «Тот, кто однажды переступил барьер манежа, назад не возвращается».

Свет прожекторов слепил глаза, обжигал щеки... Красный ковёр мягко проминался под ногами...

Леонид Енгибаров, раскинувший руки в прощальном приветствии публике, так и не понявшей, и не принявшей его – был очень далеко от меня – где-то там, у пёстрога занавеса...

И я бежала к нему, не ведая, чем обернётся для меня эта отчаянная пробежка... Не подозревая, что и через десять, и через двадцать лет я буду отчётливо помнить и этот обжигающий жар софитов, и эту податливую мягкость ослепительно-красного ковра...

И вот он увидел меня!

Никогда не забуду его удивлённый, вспыхнувший радостью взгляд.

Бежала в луче этого взгляда...

А ощущение было, как во сне: бегу, бегу – а добежать никак не могу...

И тогда... он побежал мне навстречу!

Мы встретились в середине ослепительного круга. Торопливые слова, за которыми так много!..

«Вот уж не ожидал!..» – «Спасибо, спасибо Вам!» – «Это Вам спасибо!»

Ласковые губы коснулись моей щеки. Усталая, благодарная улыбка. И близко-близко – его чёрные, но удивительно светлые глаза...

И что-то ещё говорим мы друг другу – вслух или только глазами? – и никак не можем разойтись. Всё стоим посреди красного ковра, под знойным солнцем софитов...

* * *

В тот вечер я вышла из цирка другим человеком. Енгибаров подарил мне новый слух, новое зрение.

Ничего не изменилось вокруг – всё так же светило солнце, шумело море, сестрёнка ходила по берегу, ища маленьких крабов, но я уже не участвовала во всём этом. У меня началась новая жизнь – невидимая для постороннего глаза. Музыка, подаренная мне грустным клоуном, не отпускала меня...

И были встречи. О которых он даже не догадывался. В толпе, на набережной, в аллеях приморского парка... Прошёл, промелькнул... Всегда один. Всегда сосредоточенный на своём. Всегда выпадающий из толпы.

Взгляд мой мгновенно подмечал: опять он усталый, опять грустный...

* * *

Я сидела на пустынном пляже, под брезентовым тентом – как под куполом шапито. Моросил дождь... Штормило... По звонким гальчатым волнам бродили мальчишки, собирая выброшенные на берег монеты – делали свой маленький бизнес...

И вдруг я увидела его.

Он шёл у самой кромки воды, подняв воротник кожаной куртки, засунув руки в карманы. Волосы намокли и прилипли ко лбу. Один, на пустом берегу...

Ну, оглянись же, оглянись!

И он – оглянулся. Пристально взгляделся в моё лицо и улыбнулся обрадовано и удивлённо – как тогда, в цирке.

– Тоже любите дождь? – спросил он, подходя и опускаясь рядом со мной на скамью.

– Люблю.

– А что вы пишете? – он кивнул на блокнот в моих руках.

– Стихи.

– Прочтите что-нибудь.

Он смотрел так приветливо, так дружески, что мне стало легко и свободно, как будто мы давным-давно знаем друг друга...

И я прочла ему маленькое стихотворение, только что написанное:

Я пишу тебе письма,
Я пишу тебе длинные...
Опускаю их в ящик,
Холодный от инея.
Гулко в дно ударяются
Мои беды и радости...
Только письма теряются,
Ведь они – все без адреса...

– Хорошо, – сказал он. – Мне нравится.

– Правда?

– Правда! – засмеялся он. – Я всегда говорю правду.

Сердце моё ликовало.

Он улыбнулся:

– А ведь мы с тобой коллеги! Я тоже пишу. Только не стихи, а новеллы. Вот послушай одну, это самая короткая:

Я карманный вор. Я король карманных воров.

Я богат и счастлив. Я почти что счастлив...

Жаль только, что никто в кармане не носит сердца.

Он замолчал. Лицо его, такое открытое и приветливое, замкнулось. Нет, наверное, не почудилось мне тогда, в цирке, что, кроме трёх зонтиков, у него никого нет...

Чем я могу помочь ему? Как поделиться с ним той радостью, которую он сам подарил мне?

– Ну, что с тобой? – окликнул он меня, словно вернувшись издалека. – Улыбнись сейчас же!

Он состроил рожу, чтобы рассмешить меня, и мы оба засмеялись, но – невесело.

– Почему вы смеётесь?

– Так я же клоун...

Ветер убрал волосы с его лба, высокого и чистого, как у ребёнка. А на правой щеке я увидела маленькую родинку... Смотрела на него и думала о том, что самое прекрасное и самое удивительное, что могло случиться в моей жизни, – уже случилось...

Мы прощались у подножья длинной каменной лестницы. Ступени были мокры и засыпаны кипарисовыми иглами...

– Приходи ещё в цирк, – сказал он.

– Мы уезжаем через три дня.

– Жаль... Тогда приходи ко мне в гости! Завтра утром, часов в девять, позже у меня репетиция. Хочу показать тебе, что я пишу. Придешь?

– Приду... – сказала я не очень уверенно.

– Комната двадцать четвертая, второй этаж. Запомнила? Ну, так я жду тебя.

И он побежал вверх. На последней ступеньке оглянулся.

– Приходи! – крикнул он. – Я буду ждать!

...Идти было не больше пяти минут. Я вышла за полчаса до назначенного часа. Подошла к гостинице. Встала за деревьями и пыталась угадать, которое из окон – его...

У входа – вывеска: «Дом артистов цирка».

Из распахнутых окон слышались голоса, детский плач, негромкая музыка... На лоджии третьего этажа загорелый до черноты атлет, лоснясь на солнце потом, выжимал гири. Изредка хлопала входная дверь.

Медленно тянулись минуты...

Казалось, что стою у черты, переступить которую не хватало духу. Войти и сказать: «А я – ношу сердце в кармане...» Но на меня вдруг нашёл такой страх, такое смятение, почти отчаянье! Стояла, стояла там, за деревьями, не в силах сдвинуться с места...

Я так и не вошла тогда в этот дом.

* * *

Снег, архив, солнце...

Я прихожу сюда рано утром, когда в читальном зале ещё ни души, и сажусь за стол у окна.

Мы тихо беседуем...

Три года я жила тогда в ожидании встречи с тобой. Носилась со своей тоской, своей надеждой...

А что было с тобой?

* * *

...Ночь. Колёса скорого поезда весело выстукивали: «В Москву, в Москву, в Москву!..»

Наконец-то! Долгожданное приглашение работать в Московском цирке. Сколько же лет с его последних гастролей в Москве? Неужели пять?.. Как-то его примут на этот раз? Он везёт новые номера – «Медали», «Тарелки», «Акробата»... Москвичи их ещё не видели.

У него новые партнёры. Тоську-Комика на московский манеж не пустили – из-за пьянства. Теперь с ним работает Даня – полная противоположность Комику: мощный толстяк, немногословный и всегда деловито-спокойный.

Даня выходит партнёром Лёни в «Боксе»; серьёзно и деловито получает каждый вечер в «Тарелках» оплеуху; в «Медальях» подаёт Лёне свою мускулистую руку, чтобы тот мог на неё опереться, взбираясь на пирамиду из пяти металлических катушек, – вот и вся Данина работа в манеже, но делает он её с таким видом, как будто ничего важнее на свете нет. Главное – он в цирке, а чем заниматься – неважно. Его жена Аннушка работает подсадкой – бросает в «Боксе» Лёне цветы, а в остальное время вяжет под дверью гримёрной. У него, сколько себя помнит, аллергия на нытиков, он органически не выносит скулёжа и жалоб, и потому ему так по душе всегда бодрый, мажорный Даня.

Кроме Дани – Завен. Уже третий год они работают вместе, хотя у них вовсе не парная клоунада: Завен лишь подыгрывает Лёне, когда того требует действие репризы, как подыгрывают все шпрыхшталмейстеры всем ковёрным, но делает это с таким блеском и изяществом, что Енгибарова на манеже уже невозможно представить без Завена – строгого, холодного резонёра.

«Домой! Домой! Домой!..» – выстукивают колёса. Даже не верится, что полгода будет работать дома, в Москве. Каждый вечер – пешком из Марьиной Рощи на Цветной бульвар...

Всегда, где бы ни жил, он шёл на работу пешком. Ходить пешком – это его хобби. Так он сам отвечает на вопросы журналистов о хобби. «Ничего не собираю, не коллекционирую. Люблю книги. И люблю ходить пешком». Добрую сотню городов исходили за эти одиннадцать лет его ноги...

Пожалуй, надо завести дневник, давно собирался... Кстати, чистый блокнот под рукой. И он записывает на титульном листе крупными угловатыми буквами: «Годы. Города. Спектакли».

Написал. Закрыв глаза – и в памяти на сумасшедшей скорости стало прокручиваться: Ленинград, Варшава, Краков, Одесса, Киев, Новосибирск, Ереван, Прага...

«1964 год. Прага. Международный конкурс клоунов». Ревущий, хохочущий, рукоплещущий зал цирка Нумберто... Парад королей смеха. На котором ему, Леониду Енгибарову, присуждён «Гран-при»! Его приглашали выступить в Париже, предлагали сниматься в Голливуде... А он рвался домой – в Москву. Он хотел завоевать Москву – это было поважнее Парижа и Голливуда.

...Навсегда в памяти тот мрачный ноябрьский день, заваленный хлопьями мокрого, липкого снега, – день его премьеры в Московском цирке. И несмолкающие овации после «Бокса»...

Об этой клоунаде много писали тогда рецензенты и искусствоведы: «Для Леонида Енгибарова любовь, красота – высшие принципы. Он слаб, ни у кого нет сомнения, что мощный здоровяк победит его. Но вот боксёр наступил на цветок, который бросила Енгибарову девушка».

Теперь поединок приобретает высший смысл – против хамства и грубости. И Енгибаров побеждает! „Бокс“ – старинная сценка клоунского мордобития – превратился в новеллу о человеческом достоинстве, в современный рыцарский роман».

Ему устроили овацию и несколько раз вызывали на манеж. Мать (она сидела в четвёртом ряду партера) не могла сдержать слёз. Кажется, только в этот день она, наконец, освободилась от неловкости и смущения за то, что сын избрал такую странную профессию – клоун. Только в эти минуты, оглушённая овациями в честь её мальчика, её Лёнечки, она наконец поверила, что сын – настоящий артист, и в её сердце родилась гордость, которая отныне согревала и поддерживала её в долгие одинокие месяцы ожидания встречи с сыном...

Но помнит ли его Москва? Пять лет – срок немалый. Теперь Москву нужно завоёвывать заново...

* * *

*Ну, вот и 18 марта. Лучший день моей жизни. И нестерпимо тянет на Цветной...
Я выбегаю из архива, ловлю такси – словно могу опоздать – и мчусь туда, на Цветной,
как вот уже двенадцать лет – из года в год, из марта в март...
А с крыши – капель! Капель – как в то счастливое, нестарееющее в моей памяти утро...*

* * *

...В то утро я отчаянно опаздывала на первую лекцию в институте. Но всё же приостановилась у афишной тумбы взглянуть: что там новенького?..

Нет, это невозможно! Неужели?.. Это, наверно, снится...

Я потрогала рукой свежую, ещё влажную афишу – она пахла клеем, инеем и ещё чем-то – тревожным и мучительно-сладким...

Вот и дождалась! Вот и свершилось!

Я бежала по Цветному, не разбирая дороги, в глаза било солнце – так ярко, так слепяще! С крыши капало, текло на головы прохожим... На тротуарах – синяя весна вперемешку со вчерашней метелью...

Подбегаю к цирку. И даже глаза прикрываю рукой в первый миг. На фасаде – огромный портрет Енгибарова!

Здравствуй, Лёня! Неужели это не сон?

Взбегаю по мокрым ступеням. Беру билет на вечернее представление. Куда же деть себя до вечера? Как пережить, перетерпеть эти бесконечные девять часов?..

* * *

*И вот я снова здесь. В Старом цирке на Цветном.
Время тут как будто остановилось: тот же острый запах опилок, те же мутноватые зеркала под матовыми фонарями, те же билетерши в дверях, ничуть не постаревшие за двенадцать лет. Даже униформа на них не изменилась!*

Подхожу к портьерам, отделяющим фойе от кулис. В просвете их что-то металлически поблёскивает, слышны шаги, голоса, мелькают фигуры пробегающих в спешке людей...

Табличка: «Посторонним вход воспрещён!» Что-то я не помню её здесь раньше. Пожалуй, это – единственное нововведение за эти годы. И стоит на страже закулисной стороны – этой притягательной страны – серая, хмурая униформа.

А тогда...

* * *

Меня никто не остановил тогда. И я вошла за кулисы...

Лабиринт лестниц и огней, распутываясь, расширяясь, вывел меня к двери. На двери – табличка «Леонид Енгибаров». Сейчас, через несколько секунд, я увижу его. Сейчас, только переведу дыхание...

Сколько раз за эти три года я представляла себе нашу встречу! Полумрак гримёрной, мягкие огни, помноженные зеркалами, и – он, удивлённый, радостный, поднимающийся мне навстречу... И я говорю ему: «Я обещала прийти, и вот пришла».

Я постучала.

«Войдите!» – услышала его (его ли?.. ну да, несомненно его!) голос. И – с остановившимся сердцем – вошла.

Ярко, душно горели лампы... Комната была битком набита людьми! Журналисты с репортёрскими сумками, друзья, знакомые... Ведь это был день премьеры!

Енгибаров сидел перед зеркалом – и потому я увидела его сразу всего – плотно обтянутую майкой спину, плечи, утратившие за эти годы мальчишескую угловатость, и – лицо в зеркале. Бледное и нервное лицо актёра, которому досаждают назойливые посетители и мешают готовиться к выходу.

– Здравствуйте, – сказала я, теряясь под любопытными взглядами нежданных зрителей и под его – рассеянным, *неузнающим* взглядом...

– Здравствуйте. Вы ко мне?

Смотрел холодно, нетерпеливо – и не узнавал. Что угодно, но только не это могла я предположить. С языка посыпалась бессвязная скороговорка:

– Мы все... очень рады, что вы приехали к нам... большое спасибо, мы все так ждали вас...

Я протянула ему букетик сонных фиалок в морозном целлофане.

– Спасибо, – сказал он, принимая мои цветики.

Нет, не узнаёт...

Как глупо всё!

И нужно было уходить. Но, Боже мой, неужели вот так – и всё?! Что-то горячее захлестнуло сердце, лицо...

– Вы... не узнаете меня?

– Н-нет... – он пожал плечами.

И тут я вспомнила о школьной тетрадке, которую сжимала в руке (это был рассказ о той осени).

Я положила тетрадь на гримировальный столик перед ним.

– Вы прочтёте это – и всё вспомните... – сказала я, ни на что уже не надеясь, и пошла к двери, деревянно ступая негнушимися в коленях ногами. Ощущая спиной насмешливые взгляды зрителей.

– Я прочту! – крикнул Енгибаров мне вслед. – Заходите после спектакля!

Не помню уж, как я добралась до своего места в партере...

* * *

Второй звонок. В оркестре над моей головой исступлённо визжат, настраиваясь на радость, скрипки; прокашливаются, прочищая горло, саксофоны... И вот уже гремит увертюра, вспыхивают софиты, перечеркнув темноту длинными, дымящимися колоннами жаркого света, и чаша амфитеатра постепенно затихает – в предвкушении невиданного, необычного, что приготовил сегодня для маленьких и больших детей добрый, нестареющий цирк!

Завен!.. Программу вёл Завен – друг и партнёр Нико. Всё такой же подтянутый и стройный, с чёрной гривой волос, ничуть не постаревший в этом заколдованном царстве. Но какой-то потухший, отчуждённый от радостного веселья, царящего в цирке...

Мне казалось: вот сейчас он наконец улыбнётся своей прежней улыбкой, произнесёт дорогое для нас обоих имя – и раздвинется завеса времени, распахнётся тяжёлый занавес – и на манеж выбежит наш любимый Клоун...

Ну, скорее, скорее же! Я больше не могу ждать!

И вдруг в зале стало темно. И только один луч прожектора, перерезав тьму, осторожно прикоснулся к занавесу, отделяющему меня от *той* весны, от *того* мартовского дня, когда я прибежала к нему за кулисы старого Московского цирка...

И – занавес распахнулся!

– Весь вечер на манеже клоун-мим Леонид Енгибаров!

Завен сделал широкий, радушный жест рукой, словно приглашая всех сидящих в зале в прекрасное путешествие...

И на арену выбежал Лёня под своим весёлым дырявым зонтиком!

И снова я была в плену его музыки. Его поэзии без слов...

Вот он выходит на манеж под печальную, словно подёрнутую золотым пеплом осени, мелодию блюза. Он весь захвачен музыкой и, кажется, ничего не замечает вокруг: голова понуро опущена, руки в карманах... Новелла о грустном акробате. В течение нескольких минут промелькнет сейчас перед зрителями вся его жизнь, все её радости и огорчения, которые легко уместить в одно слово – «работа». «Он столько раз терпел неудачи в жизни, – рассказывает Клоун всем своим обликом, – что даже теперь, став сильным, ловким, всё равно не верит в успех».

Сделав поклон публике, Енгибаров начинает в медленном ритме блюза выполнять сложнейшие акробатические трюки, самый блестящий из которых – стойка «крокодил»: он стоит на одной руке, вытянув тело параллельно манежу...

Енгибаров скажет потом: «Я нашёл точку опоры – я держу на одной руке Земной Шар!»

В тот мартовский вечер я услышала свою любимую «Скрипку» немного по-иному, открыв в ней новую глубину.

Скрипка Енгибарова – это не просто Несбывшееся, это – Любовь, превращённая в игрушку, в предмет обихода. Она долго терпит – но, в конце концов, бунтует и, вложив в этот бунт все свои силы, – гибнет... И только после гибели её человек понимает, *чем* он владел и *что* он не уберёт. Только теперь, потрясённый потерей, он прозревает – и просыпается в его душе запоздалая Музыка...

Что-то родное, но полузабытое виделось мне в облике Енгибарова. Так бывает, когда идёшь в густом тумане и вдруг замаячит впереди знакомый силуэт, и всё силишься узнать его, до боли напрягая зрение и память...

И я узнала его! Это был... Дон Кихот. Да, да, он самый! Нелепый и нежный, мятущийся, вдохновенный и вновь... осмеянный!

Каждая реприза Енгибарова – это борьба всё с теми же ветряными мельницами, протест против обыденности и скуки, против всего, что превращает человека в жалкую марионетку – без души, без веры, без мечты...

Кульминацией спектакля был номер «Тарелки».

В зале погас свет. Темно. Клоун идёт по узкому барьеру, сосредоточенно глядя под ноги – не оступиться бы в этой крошечной тьме! Под мышкой у него мятая жестяная тарелка. Он идёт по узкому барьеру, освещённый единственным лучом света. Этот луч как будто ведёт его... А там, впереди, зияет пропасть (часть барьера убрали в одном месте). Но человек, идущий по барьеру, доверился лучу...

И вдруг он доходит до разрыва – и отшатывается! Дальше дороги нет.

И тут – полный свет! Гремит музыка. Выходит партнёр (Завен) в чёрном безукоризненном фраке, в белоснежных перчатках, смотрит франтом – победитель жизни! Начинает грациозно жонглировать белыми фарфоровыми тарелками... Он преподаёт Лёне урок ловкости и предлагает ему проделать то же самое, попытаться счастье. Лёня отбрасывает свою мятую тарелку подальше, убегает на секунду за форганг – и возвращается тоже во фраке и в чёрных покорёженных перчатках – где он только откопал их? Фрак длинён и мешковат, явно с чужого плеча, Лёня совершенно утонул в нём...

Итак, он готов испытать свою ловкость! Но... разбивается одна тарелка, другая, третья... И, наконец, разбивается последняя. Потерянное, потрясённое лицо человека, с трудом осознающего, что разбиты все надежды, потеряны все шансы на удачу...

Он медленно снимает фрак, перчатки, осторожно кладёт их на ковёр – это всё принадлежит *той* жизни, в которой всё казалось возможным, достижимым. Но он уже вычеркнут из неё.

Он возвращается к своей мятой тарелочке – вот она, его реальность.

Гаснет свет. И он уходит с манежа в полной тьме...

Но побеждённым ли он уходит? Разве побеждённым? У этого человека есть мужество говорить правду – правду до конца. Он беспощадно откровенен – и вызывает каждого из нас на ту же беспощадную откровенность, хотя бы наедине с собой.

Да, формально он как будто проиграл – обстоятельства оказались сильнее его. Он ушёл с манежа ни с чем. Но каждый из сидящих в зале уйдёт сегодня из цирка немного другим, в чём-то преображённым...

И это значит, что Енгибаров – победил.

«Я выхожу на манеж не для того лишь, чтобы смешить „уважаемую публику“. Я выхожу на манеж для того, чтобы *говорить* с „уважаемой публикой“. О добре и зле, благородстве и подлости, о любви и нежности, – скажет он в одном из своих интервью. – Одна газета назвала меня „клоуном с осенью в сердце“. Это приятно. Потому что осень – это раздумье. А ведь без раздумья, замечу вам, без самого серьёзного отношения к жизни нет и не может быть настоящего клоуна. Об этом я помню каждый день, каждый вечер...»

...Смолк оркестр – и публика ринулась в гардероб. Я походила по фойе, набираясь решимости. Почему-то казалось, что во второй раз мне уже ни за что не отыскать его гримёрную. Да и зачем мне идти туда? Смешно и стыдно...

Но ведь он сказал: «Заходите!»

Отодвинула портьеру кулис – и сразу увидела его! Он улыбнулся и пошёл мне навстречу, как будто ждал меня... На нём красная водолазка и тёмный костюм. Ему очень идёт красное – его бледному лицу и чёрным волосам. Он был очень красив в эту минуту.

– Подождите меня у служебного входа, я скоро выйду, – сказал он.

Я стояла неподалёку от служебного входа и смотрела на его портрет. Свет фонарей и тени деревьев пробежали по нему, и лицо на портрете то ласково хмурилось, то улыбалось...

Он не заставил себя долго ждать. Легко, по-мальчишески выбежал из ярко освещённой двери, с синей аэрофлотовской сумкой, перекинутой через плечо, взял меня под руку, и мы пошли по Цветному бульвару к Самотёке.

– Я всё прочёл, – сказал он. – Спасибо вам.

Я быстро взглянула на него – он улыбался.

– А ведь я помню тебя! – неожиданно сказал он. И столько тепла было в его голосе, и в том, что он перешёл на дружеское «ты», что сердце моё дрогнуло и оборвалось. – Я очень хорошо помню тебя. Но ты тогда была посветлее...

– Просто выгорела на солнце...

– А ты знаешь, что я ещё помню?.. «Я пишу тебе письма, я пишу тебе длинные... Опускаю их в ящик, холодный от инея...» Согласись, что у меня хорошая память.

– Потрясающая! – сказала я. И, как ответ на пароль, прочла: «Я карманный вор. Я король карманных воров. Я богат и счастлив. Я почти что счастлив...»

– Жаль только, что никто в кармане не носит сердца, – закончил он.

И я едва удержалась, чтобы не сказать ему то, что хотела сказать ещё три года назад...

Подшли к Самотёке. Площадь была пуста, и мы перешли её на красный свет.

«Значит, он действительно всё помнит, ничего не забыл...»

У входа на Самотёчный бульвар – огромная лужа, целое озеро. Мы свернули на боковую аллею.

– Мой любимый бульвар, – сказал он.

Нигде ни души. Только жёлтые луны фонарей среди тёмных деревьев, да похрустывает ледок под ногами. И мой локоть поддерживает тёплая, сильная рука Енгибарова. Я даже сквозь пальто ощущаю её тепло.

– Ну, как я сегодня работал? – спрашивает он.

– Просто замечательно! И так много... Больше всех в спектакле. И *так* каждый вечер?

– Сегодня – и ежедневно! – улыбнулся он. – Но это не страшно. Всё-таки меня здорово подлечили. Видишь, как я поздоровел?

– Да, вы возмужали...

– В прошлом году болел долго. Полное истощение нервной системы. Пятьсот спектаклей дал за год, представляешь? И много писал, – добавил он как бы в скобках. – А что тебе понравилось больше всего?

– Мне всё у вас нравится. Но больше всего «Тарелки», пожалуй... За живое берут.

– Я эту вещь очень люблю.

– И «Медали» хороши. Так остро!

– А ты поняла, да? Всё поняла?

– Ещё бы не понять!..

– Ну, а ещё кто тебе понравился?

– Борисов красиво работает, – сказала я, вспомнив молоденького укротителя львов.

– А я не люблю зверей в клетке, – сказал он. – Тоску нагоняют... Лев, прыгающий через верёвочку, – это уже не лев. А по-моему, лев должен оставаться львом. Как мужчина – мужчиной, а женщина – женщиной.

Мы некоторое время шли молча. Я стеснялась задавать ему вопросы, – было дорого то, что он сам рассказывал мне.

– А как ты? Что нового написала с тех пор? – спросил он.

Мы шли по тёмным, пустым аллеям, и я читала ему стихи, которые были адресованы ему одному:

Шуты смеются сквозь слёзы,
Но что увидишь под гримом?
Шутам не бросают розы
К ногам, а хохочут в спину!

Такая у них работа.
Они выбирают сами.
Но только, о ради Бога,
Не нужно завидовать славе!
Работа – каких немного.
Ей жизнь отдана – до капли.
Но только, о ради Бога,
Не нужно над ними плакать,
Когда увидишь без грима
Шута...

– Читай ещё, – попросил он.

И, вдохнув морозного воздуха, я читала дальше:

А что же делать,
коль рождён шутком?
Поэтом
под дурацким колпаком!
Как жить, что делать,
зная, что потом —
наверняка! —
начнут хлестать кнутом,
вдавлив между лопаток бубенец...
Так, смеха ради,
будто не грешно,
раз это шут...
Я прошепчу: «За что?!»
– За то, что шут,
но не смешон, подлец!

Мы остановились. Он смотрел на меня так пристально, как будто увидел впервые.

– Спасибо, миленький.

Он взял моё холодное лицо тёплыми, ласковыми руками и поцеловал в губы.

– Приходи ещё в цирк.

– Конечно, приду.

– У тебя нет телефона? Жаль... И у меня нет. Но ты разыщи меня. Завтра выходной, а потом приходи. И стихи приноси. Обязательно разыщи меня, ладно?

Мы вышли на площадь Коммуны. В чистом ночном воздухе кружились белые пушистые хлопья... В аллеях бульвара мы и не заметили, что пошёл снег. Дальше нам было в разные стороны, мне – к метро, а он торопился домой – в Марьину Рощу. Там его ждала мама.

– Без меня чай пить не будет, – сказал он. – Ну, не пропадай надолго, ладно?

– Теперь не пропаду! Ваш автобус, бегите...

И он побежал через пустынную, казавшуюся в тот поздний час огромной, площадь. Я проводила взглядом автобус, пока он не скрылся за поворотом, и пошла к «Новослободской». Шла осторожно, неся на своём лице прикосновение его рук, его губ... Шла и думала о его доме в Марьиной Роще, о его маме. Интересно, какая она? Представляла, как они вместе пьют чай, и он рассказывает ей о премьере...

* * *

Он вошёл во двор, освещённый желтоватым светом углового окна.

Две ступеньки покосившегося крыльца, ясень у окна, турник и деревянный настил в глубине двора – всё припорошено снегом... Он сам сколотил этот настил, ещё когда учился в училище, и почти все свои номера отрабатывал здесь – на потемневшей от снегов и дождей домашней эстраде.

Похлопал по крепкому стволу старый ясень – «Привет, дружище!»

Заглянул в окно. Мать сидела у стола, накрытого к чаю, в тёплой телогрейке, накинутой на плечи, и штопала его свитер. Ждала его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.